

ТАНЯ ВОЛКОВА

ПЛАТЬЕ ИЗ ТВИДА

Таня Волкова

Платье из твида

<https://litres.ru/73973558>

SelfPub; 2026

Аннотация

Журналистка Вера страдает от перфекционизма и из-за импульсивного начальника Кирилла. Совсем скоро ей предстоит исполнить мечту своего детства и провести эксперимент в качестве редакционного задания. Вначале всё идёт хорошо, но внезапно правда вскрывается. Вместе с этим на Веру давит неожиданная влюблённость, давние травмы и бесчисленные сомнения. Временами она борется с прошлым опытом, пытается примирить в себе страхи с надеждами на лучшее и наконец выбраться на нужную дорогу. В этой истории своё отражение увидит каждая девушка, которая старается изо всех сил найти любовь, получить профессиональное признание и понять себя.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Платье из твида

Глава

«Кому сломать тебя было велено?
Тому — сил не забрать».

Лена Август

Моей дорогой семье и коту Мурзику

Восемь пятнадцать утра. Ритуал Веры повторялся снова и снова. Банальный звук будильника, который установлен в качестве заводской настройки на многих телефонах в мире. Некоторые ставили его и на звонок, из-за чего остальным приходилось вздрагивать на улице или в ресторане — звук будильника никогда не ассоциируется со счастьем.

Вера резким движением отключила телефон и дала себе ещё несколько минут полежать, чтобы осознать, какой сегодня день недели. Четверг? Нет, среда. По средам никогда не случается ничего хорошего. Это было проверено много раз: начиная с неожиданной контрольной по алгебре, которую Вера с треском провалила в 10-м классе, и заканчивая прошлой неделей, когда пролила кофе на белые джинсы.

Медленное утро. Все говорили о том, как полезна такая

привычка, о ней Вера слышала в интервью многих знаменитостей. «Утро — время для себя», «Остановитесь на мгновение и наберитесь сил перед началом нового дня», «Зарядитесь энергией на свершения» — эти выражения произносили, чтобы мотивировать, но у Веры они вызывали только раздражение.

Утро Веры никогда не было медленным. Быстро натянуть халат по пути в ванную. Сильный напор воды, почти кипяток. Кто эти люди, которых бодрит холодная вода? Завтрак на скорую руку, никаких сложных блюд и изысканной посуды. Любимая тарелка с изображением собак, которую пришлось вырывать почти с боем в магазине посуды — по ошибке продавец прислал тарелку с попугаем вместо милых пёсиков. Вера ненавидела птиц, они вызывали у неё желание скорее убежать и не возвращаться. За шесть лет дружбы она так и не призналась в своей фобии подруге Асе — та ужасно любила птиц, жила с четырьмя попугаями и могла часами рассказывать о разнице в их оперении. Вера не видела никакой разницы в их перьях, кроме степени аллергической реакции, которую они вызывали.

Вера быстро размяла вилкой банан, который пролежал на столе три или четыре дня и уже был готов встретиться с мусорным ведром, но отправился на реинкарнацию в оладья. Вера обрезала самые тёмные части, смешала фрукт с яйцом, мукой и разрыхлителем и через 10 минут сидела за столом, параллельно смотря какой-то образовательный ро-

лик об умении коммуницировать.

После завтрака, как и всегда, Вера закинула всё в посудомойку. Она поступала так, даже если из грязной посуды были только тарелка и вилка. Вера ненавидела мыть посуду. Да и вообще, существуют такие люди, которые любят это делать? Её отец называл привычку расточительством.

— Ты что, не можешь помыть две тарелки?! Посчитай, сколько ты отдаёшь в месяц за воду и электричество. Надо быть экономнее. Копеечка к копейке. Ты что, принцесса?

Но Вера не хотела ни мыть посуду, ни экономить, ни думать о копейках, да и статус принцессы её не особо привлекал. Она была готова работать хотя бы ради того, чтобы не задумываться, достаточно ли много посуды заложила в мойку или это то количество, которое можно было помыть руками.

В это утро, на удивление Веры, всё складывалось хорошо. Под жужжание посудомойки она собиралась на работу — сегодня был важный день, который она ждала чуть ли не со школы.

«У тебя всё получится! Вдох, выдох... Не нервничай», — Вера повторяла эту фразу как мантру, пока бегала по квартире в поисках «счастливых» носков, которые, как она верила, всегда приносили удачу. Однако, по мнению её матери, удачу Вере приносил её талант. В отличие от отца, мать никогда не учила Веру экономить, хотя никогда и не владела несметными богатствами, как думали многие. Она была для Веры опо-

рой во всём, из-за чего та не могла поддержать ни один разговор подружек, которые были недовольны опекой родителей и закатывали глаза каждый раз, когда на телефоне высвечивался звонок от мамы. В такие моменты Вера мысленно крутила у виска и посылала в сторону недовольных собеседниц флюиды, чтобы те пошли к психологу и поскорее разобрали свои проблемы. Но флюиды никогда не доходили до адресатов, зато взамен Вера получала статус «маменькиной доченьки, не способной принимать решения». Так однажды Веру описала одна из её подружек. Кажется, это был их последний разговор. В такие моменты Вера пыталась представлять перед собой стекло, как учили психологи, чтобы слышать слова, но не воспринимать их близко к сердцу. Приём срабатывал только в отношении начальника, а брошенная подругой фраза могла пробить любую преграду, даже если бы Вера представила перед собой кирпичную стену высотой с небоскрёб.

От мысли о посудомойке Вера быстро переключилось на то, что должно было произойти. Сегодня был важный день — Вера пойдёт на интервью с актёром Захаром Фоминым. Он был её школьной любовью. Нет, они не учились в одном классе и даже не были знакомы. Более того, Захар даже и не догадывался о её существовании, а если бы увидел, то посчитал бы очередной сумасшедшей фанаткой, не дающей прохода. Может быть, он неохотно дал бы автограф и неискренне улыбнулся для фото. Но для Веры он был особенным. По-

ка одноклассницы сходили с ума по мальчикам из старших классов, Вера верила, что однажды встретится с ним. Решив стать журналисткой, она пообещала себе, что когда-нибудь возьмёт у Захара интервью, да так, что он точно запомнит её среди тысяч редакторов и интервьюеров, которым он регулярно рассказывал о своих фильмах и поисках смысла жизни где-нибудь в Мачу-Пикчу.

К моменту интервью Вера уже два года работала в медиа-корпорации или, как было модно говорить, экосистеме. Компания производила самый разный контент: от новостей до видеоблогов. Вера была штатным корреспондентом. Когда она рассказывала знакомым о том, чем занимается, то большинство из них представляли себе работу мечты — бесконечные встречи со знаменитыми и обязательно интересными людьми, роскошные мероприятия и многочисленные командировки на частных самолётах с целью взять интервью у какого-нибудь банкира. На деле работа Веры была очень далека от романтики, которую рисовали в своём сознании её друзья. Вера не была Опррой Уинфри, с которой было бы честью побеседовать хотя бы 15 минут, а носилась за героями как сумасшедшая собака, каждую неделю получала отказы, неделями готовила материалы, которые её начальник Кирилл мог раскритиковать за несколько секунд и в лучшем случае заставлял переделывать, а в худшем — отказывал в публикации.

В тот день Вера, как обычно, пришла в офис со стаканом латте на коровьем молоке. Ежедневный вопрос бариста «Вам на каком?» вызывал у Веры лёгкую насмешку. Она не относилась к тем, кто избегал лактозы, а овсяное, миндальное и другие аналоги молока считала противной жижой. Вера также не старалась достигать осознанности, быть в потоке, ресурсе и где-нибудь ещё, где так хотели оказаться все вокруг.

Интервью с Захаром одобрили две недели назад коллеге Веры Даше: она работала в компании почти четыре года, и все важные герои автоматически были зарезервированы на интервью с ней. Каста неприкасаемых, вернее — неприкасаемой. Вера с изумлением наблюдала за Дашей и шефом, которые решали, какие вопросы лучше задать актёру и как вывести его на разговор о криминальной истории двухлетней давности. Пока это не удавалось ни одному журналисту. По предположениям, Фомин ехал пьяный за рулём и сбил девушку, но смог избежать суда и, как следствие, тюремного срока. Начальник Веры и Даша в офисе были похожи на героев фильма о Джеймсе Бонде — как будто бы разрабатывали план нападения.

Кирилл предлагал действовать решительно и не «разогреть собеседника»:

— Надо задавать вопрос в лоб, чтобы сразу обезоружить его и не дать выкрутиться! По первой реакции всё станет понятно.

— Нет, я так только напугаю его, и он мне вообще ничего не расскажет. Надо подождать, пойти в обход. Надо начать говорить про путешествия, он расслабится, и потом я спрошу.

— Делай как знаешь, но он не дурак. Сразу раскусит, к чему ты клонишь.

Даша почти незаметно фыркнула. Пожала плечами и продолжила дальше готовить вопросы к интервью. Она смотрела на экран компьютера так пристально, почти не моргала, как будто бы несколько часов подряд стояла за операционным столом, а от её действий зависела жизнь пациента.

Вера сидела за расшифровкой очередного интервью — на это раз о женщине, которая организовала производство современных пляжных корзин.

«Только представьте! Там встроено зарядное устройства и для ноутбука, и для телефона, а в панели на подлокотнике установлен экран, через который вы можете зайти в интернет и заказать пиццу», — говорила создательница великого, как ей казалось, изобретения. Интересно, но разве она сравнится с популярным актёром?

День тянулся монотонно, ничего необычного не происходило. Политики, как обычно, делали свои заявления, подписывали законы, папарацци сидели в кустах в надежде сделать хоть какое-нибудь провокационное фото и наконец понять, воссоединились ли Дженнифер Лопес и Бен Афлек или это был очередной PR-ход. Вся редакция работала в привычном

режиме: новостной отдел на втором этаже без умолку строчил заметки, пытаясь выполнить свой дневной КРІ. Недавно руководство увеличило показатель до 800 тысяч уникалов для каждого отдела, поэтому редакторы выглядели так, будто были на тренировке в сайкл-студии, только не крутили педали, а стучали пальцами по клавиатуре.

— Интересно, как часто они меняют свои компьютеры? По ощущениям, они должны делать это каждый месяц. Так стучат! — думала Вера, поднимаясь каждый раз на свой третий этаж.

На третьем этаже тоже сидели журналисты, но не новостники, а редакторы, которые уже отработали свою бездумную гонку за трафиком и стали готовить репортажи, расследования и интервью. В помещении было относительно спокойно, изредка кто-то мог сказать какую-то шутку, и тогда весь этаж ненадолго погружался в смех, но быстро успокаивался и возвращался к работе.

В этой тишине у Даши зазвонил телефон. Она даже не заметила, потому что с тех пор, как всю редакцию выбесил её рингтон, она включала беззвучный режим. До этого у Даши всегда звучала песня Бритни Спирс Toxic. Сущий ужас для всех вокруг, но Даша любила её ещё в школе, поэтому каждый раз на работе с трудом перечёркивала свою юность и отключала звук.

— Даш, телефон звонит. Опять не слышишь.

— Точно, это папа.

Даша ответила.

— Привет, пап! Опять не услыша...

Кожа Даши всегда была белой, она никогда не смогла бы загореть, даже если бы пролежала под палящим солнцем целый день. Но во время разговора её лицо стало похоже на мел, щёки как будто впали, а глаза, наоборот, превратились в два огромных круга.

— Баб..., бабушка... когда?

Даша говорила, как трёхлетний ребёнок, отдельными словами, которые, казалось, вообще были не связаны друг с другом.

— Да, понятно. Я беру билет и лечу.

Она положила трубку.

— Бабушка умерла. Остановилось сердце. Просто остановилось сердце. Во сне. Понимаешь, она легла спать и сердце остановилось...

Вера слушала обрывистые фразы, а Даша продолжала повторять, что сердце остановилось. Словно хотела лучше запомнить, почему умерла бабушка, и чтобы все это поняли. В этот момент у Веры сложилось ощущение, что её и Дашу закрыли вакуумным колпаком, потому что редакция продолжала работать в прежнем ритме, но их стол как будто был отдельно.

— Мне надо ехать. Я должна быть на похоронах. Боюсь, что мама не выдержит такого напряжения. Надо ехать.

— Конечно, семья — самое главное. Все всё поймут. Ска-

жи Кириллу, он точно отпустит.

— Послезавтра интервью с Фоминым. Я выбивала его два месяца. Не представляю, как быть.

Даша оставалась журналистом в любой ситуации. Казалось, что, даже если бы на город упал метеорит, она первым делом бросилась бы к компьютеру, чтобы сообщить об этом читателям. Ещё бы и комментарий очевидцев успела взять. Но смерть бабушки подорвала её равновесие, а абстрагироваться и «просто делать свою работу», как говорил Кирилл, ей не удалось.

— Да, пойду, скажу ему. Не знаю даже, просто не знаю...

Даша должна была ехать. Последние несколько лет её бабушка жила в небольшом городе вместе со своим ухажёром — после смерти мужа, дедушки Даши, она не видела смысла оставаться жить привычной жизнью и поехала погостить у подруги, с которой познакомилась ещё в молодости. Брат этой подруги, тоже вдовец, неожиданно для себя, да и для всех, влюбился. В итоге бабушка Даши осталась, хотя для неё это был просто способ научиться жить или даже выжить, заглушив боль. Мужчина всё прекрасно понимал и ничего не требовал. По ним можно было наглядно изучить значение фразы о том, что в отношениях кто-то любит, а кто-то позволяет себя любить. Но сердце женщины не выдержало разлуки.

— Я еду, не знаю, когда вернусь. Кирилл решит по интервью. Надеюсь, мне хватит несколько недель. Если что, все

доки по Фомину — в облаке.

С такими словами Даша подбежала к своему столу из кабинета Кирилла, смахнула все вещи в сумку и ушла.

Дверь хлопнула. Вера оглянулась и только сейчас осознала, что даже не сказала ничего Даше. Прошёл час, хотя по ощущениям минут пять. Внезапно Вера почувствовала, что её сердце как будто сжалось, ей стало страшно.

«А вдруг однажды у меня также зазвонит телефон, и я услышу, что...» — на этих словах Вера резко потрясла головой, как будто старалась выкинуть ужасную мысль из головы. Она подумала о своей бабушке, о родителях, вспомнила, как узнала о смерти деда — худший день в её жизни.

«Удивительно, для кого-то сегодня разрушился целый мир, а все эти люди продолжают стучать по клавиатурам. Видимо, в их мире всё спокойно», — подумала Вера.

Для Веры мир тоже не разрушился, но моральное состояние было подорвано. Несмотря на все споры с Дашей, обиды и слёзы в первые месяцы работы на третьем этаже, она чувствовала, что та была хорошей девушкой, а Вера никому не желала зла. Только если тому однокласснику, который однажды в школе подошёл и сказал: «Ха, смотрите, у Веры — жёлтые зубы!», — а на следующей день она нашла на своём столе в классе зубную щётку.

Рабочий день подходил к концу, интервью было расшифровано. Вера приступила к редактированию и выбрасывала из повествования создательницы пляжного изобретения всю

ненужную мишуру:

«Господи! Сколько же она наговорила, и всё ни о чём! Какая-то вода...»

В этот момент перед ней появился Кирилл. Он был не в настроении. Вера всегда понимала это по его очкам — он часто дергал их, когда нервничал, из-за чего один край был существенно ниже другого. Смешно, но обычно ничего весёлого это не предвещало.

— Так, Даша всё скинула тебе. У тебя день на подготовку, в пятницу Фомин твой. Завтра жду вопросы. Только не облажайся. Ясно?

Вера кивнула, и человек со странно сидящими очками быстро ушёл.

«Конечно, ясно. Что тут может быть неясно?!» — добавила про себя Вера.

Она хотела начать радоваться, но не могла. Как будто бы это было запрещено. Вера почувствовала себя вдовой, которая влюбилась, но отчётливо видела перед собой преграду. Всё было как-то неправильно. Она ждала это интервью со школы, представляла, как садится перед Фоминым в деловом костюме и ведёт лучший разговор в своей жизни, да и в его тоже. Но всё было нечестно, не так, как должно было быть. Она должна была заполучить героя благодаря своему таланту, а не потому, что у Даши умерла бабушка.

«Мамочки, что я такое думаю! Нельзя так говорить. Всё случилось, как должно быть. Ничего не поделаешь...»

Этими словами она успокаивала себя по дороге домой, в душе, когда ложилась спать и весь следующий день, мешая вдохновляющие фразы с подготовкой к интервью. Вопросов получилось много, даже слишком. Наверняка и сам Фомин не помнил о тех событиях, о которых его собиралась спросить Вера.

— Неплохо, молодец! И когда ты только успела посмотреть столько материалов по нему! Давай, завтра не подведи. Мы еле договорились с ним. Его менеджер весь мозг мне проела. И держи его весь разговор сама знаешь за что. Не давай увиливать. Кинул тебе на почту по времени и месту. И ещё — без всяких декольте и ваших этих женских штучек! Переиграй его умом, а не маникюром. Ясно?

Кирилл всегда заканчивал свои объяснения фразой «Ясно?». И звучала она так, что было невозможно сказать, что что-то было неясно.

Вопросы были готовы. Вера распечатала их, загрузила в телефон, на ноутбук и два планшета отдельным документом. Переслала их себе на почту, а потом ещё и создала google doc, чтобы быть готовой к любым обстоятельствам. Она семь раз проверила время и место, а потом с точностью до секунды рассчитала, сколько ей ехать. Интервью должно было проходить в лобби небольшого бутик-отеля, недалеко от центрального парка. Там были большие окна и приятный свет, за что его любили все видеографы. Фомин не хотел отставать от моды и тоже предложил поговорить именно там.

Вера продолжала собираться на интервью и наконец нашла те самые счастливые носки. Она быстро надела любимое бельё, не слишком тесное, но и не такое, в котором бы она была похожа на глубокую пенсионерку в трусах, которые в случае необходимости могли бы стать парашютом, а также футболку, джинсы и клетчатый пиджак. Весь её образ венчали кроссовки, за которые месяц назад она отдала ползарплаты — последняя коллекция, можно и потратиться. Она смотрела на себя в зеркало и чувствовала сильное волнение, как будто пол плыл под ногами, но в то же время и радость — сегодня она увидит его, сбудется её главная мечта.

Вера ещё раз проверила всю технику. Планшет и ноутбук придавали рюкзаку такой большой вес, что можно было уверенно представить, как у неё будут отваливаться плечи к концу дня. Но выбора не было, спокойствие было Вере дороже. Она вышла из дома, приятный запах цветущих деревьев ударил ей в нос и заставил сердце биться чаще — ощущения навеяли детские воспоминания, когда бабушка забирала Веру из школы и вела за пончиками в небольшую кондитерскую. Это были лучшие пончики на всём свете!

Вера села в автобус, который подошёл через несколько минут после того, как она оказалась на остановке.

«Удивительно, и автобус быстро подошёл. Это знак, сегодня всё будет хорошо!»

Всё действительно складывалось удачно. Вера не попала

ни в одну пробку, автобус только немного постоял на мосту, но она всё равно была в отеле на полчаса раньше назначенного времени. В лобби велись приготовления к съёмке, царила суета, люди бегали из стороны в сторону с проводами, бумагами и тоннами, как показалось Вере, какого-то хлама. Чаще всего, в отличие от Даши, она делала печатные интервью — записывала их на диктофон, сама расшифровывала, затем редактировала, подбирала и обсуждала иллюстрации, а потом одобряла всё у Кирилла.

Но в этот раз менеджеры Фомина попросили записать разговор на видео, чтобы нарезать его ответы для ролика на официальном сайте и соцсетей. Вера не имела ничего против, да даже если бы и имела, то промолчала бы — она была счастлива, что через несколько секунд встретится с ним. Пересекая лобби из стороны в сторону и в тысячный раз перечитывая свои вопросы, Вера внезапно ощутила то, что чувствовала позавчера на работе: она не должна тут быть, это не её место, просто стечение обстоятельств. Эмоция накрывала всё сильнее, напрочь выбивала из равновесия сознание и заставляла прокручивать в голове самые ужасные сценарии. Вера остановилась у окна, сделала глубокий вдох, задержала дыхание на четыре счета, и выдохнула. Она повторила упражнение несколько раз и немного пришла в себя.

К отелю подъехала машина, из которой вышел солидный мужчина в костюме. Он открыл заднюю дверь, на сиденье был Фомин, который, активно жестикулируя, разговаривал

по телефону. Не став задерживать на улице своего водителя, актёр вышел и прошёл в отель, за ним проследовала его менеджер Эмма — девушка выглядела как с обложки журнала, её саму легко можно было принять за знаменитость.

В отеле Фомин одарил всех своей традиционной улыбкой, живо помахал стоящим у бара официантам и бариста. Вера стояла около своего стула необычной формы и привезённым в отель специально для интервью. Пока Фомин здоровался почти с каждым осветителем и отвечал на звонки, Эмма подошла к Вере.

— Доброе утро! Я предупредила Захара, что вы будете вместо Дарьи. Он сегодня немного уставший, вчера были трудные съёмки, может иногда ляпнуть что-то не то, но вы не волнуйтесь. И да, вы же помните о договорённости?

Внезапно в зале раздался голос Фомина, который просил менеджера разобраться с завтрашней фотосессией. Вера стояла как вкопанная, не подавая ни малейшего знака, что внутри у неё творился ураган и нервные клетки вели себя как бешеные собаки.

— М-м-м, да... конечно.

Это было единственное, что у неё получилось вымолвить. Она натянула лёгкую улыбку, которая должна была подтвердить, что договорённость соблюдается. Только Вера понятия не имела, о чём идёт речь.

— Это же просто интервью, он актёр, а не политик и уж тем более не президент, вопросы с которыми могут согласо-

ывывать месяцами.

Этими словами Вера пыталась себя успокоить, потому что внезапно обрушившаяся на неё «договорённость» добавляла ещё больше стресса. Однако сделав очередной вдох-выдох, Вера набралась смелости и пошла к Фомину. В этот момент мозг почти полностью отключился и, казалось, перестал что-либо контролировать.

— Доброе утро! Я Вера. Очень рада, что вы приехали. Площадка готова, мы можем начинать.

— Привет, Вера!

Фомин произнёс её имя так, как будто чеканил каждую букву. Вера всегда считала, что сочетание слогов в её имени создают ощущение нежности, но тут оказывало противоположный эффект.

— Хорошо, только сделаю пару глотков кофе.

Пока Фомин пил кофе, на Веру напало странное чувство то ли тревоги, то ли волнения. Но это не было переживание о предстоящем разговоре (которое, напротив, её отпустило, и как журналист она переживала не так сильно). В Вере резко проснулась та девочка, которая, не переставая, смотрела фильмы с Фоминым, гуглила его фотографии и изучала каждый пост в соцсетях. Веру охватил ужас: картинка в её голове и Фомин в реальности постепенно начинали не соответствовать друг другу. В нём было что-то такое, что отталкивало. Потом она ощутила злость за то, что по-детски ассоциировала актёра с героями, которых он играл, и злость на Фоми-

на из-за того, что он не соответствовал им. Она даже не могла объяснить, как поняла это, ведь они перекинулись только парой фраз, сдобренных неплохим перегаром — свидетелем вчерашнего дня Фомина.

Через несколько минут после того, как Фомин выпил чашку кофе, они сели друг напротив друга и начали разговор. Вера дрожащим голосом задала первые банальные вопросы в духе: «Как прошла премьера вашего последнего фильма?», «Как поживает ваша рука после съёмок одной из сцен, которая закончилась переломом?», — и много того, что люди, смотрящие интервью по тайм-кодам, быстро проматывают. Разговор тянулся, хотя Фомин не свойственно для себя очень бодро отвечал и, казалось, был готов говорить о любой мелочи, которая никому не была интересна.

Вера сомневалась: она понимала, что должна спросить об аварии, но боялась выбрать неправильный момент и упустить возможность. Внезапно ей пришла в голову мысль, что Эмма, возможно, говорила о договорённости не задавать вопросы именно об этом случае — остальные интервьюеры как будто избегали этой темы, а все люди вокруг Фомина делали вид, что это всё — слухи.

Вскоре Вера вернулась мыслями в интервью и пыталась понять, о чём говорит Фомин. Он сидел, развалившись на стуле, не стеснялся выражений и вёл себя немного пренебрежительно. Вера поняла: это не перегар — Фомин всё ещё был немного пьян.

— Захар, а как вы любите отдыхать?

— Я вам так скажу: отдых — это основа всего. С моим графиком, где все постоянно от меня чего-то хотят, найти время на отдых крайне сложно. Поэтому иногда я просто выключаю телефон и иду в бар. Звоните сколько хотите, но я не отвечу.

В этот момент на его лице появилась такая улыбка, как будто он рассказал самую смешную шутку в мире.

— Несколько месяцев назад в одном из интервью вы также сказали, что любите проводить время у воды, на море. Как часто удаётся выбраться в такие поездки?

— Несколько раз в год могу себе позволить, но не могу сказать, что это для меня лучшее времяпрепровождение. Мне достаточно 20 минут на берегу, и я готов идти обратно.

— Вам не нрав...

— Хотя, знаете, вот что мне нравится, так это кататься на тачках. Особенно по серпантину, когда одно неверное движение — и ты можешь слететь с обрыва. Очень отрезвляет.

— Отрезвляет в прямом смысле или просто позволяет подумать о хрупкости жизни?

Фомин задумался. Он смотрел на Веру сверлящими глазами, как будто понимал, чего она пытается от него добиться. Со следующей фразой Вере показалось, что его голос задрожал.

— Я не пью, когда нахожусь за рулём!

— Вы имеете в виду, что не пьёте в тот момент, когда ве-

дёте машину? А бывали случаи, когда приходилось немного выпить и потом повести машину?

Вера почувствовала странную силу одновременно со спокойствием. Она владела ситуацией и, казалось, владела героем.

— М-м-м, возможно, во времена бурной молодости мог после бокала сесть за руль, но всякое случалось. Да и законы тогда были другие.

— Какие года вы считаете временами бурной молодости? Два года назад ещё была она?

Фомин пытался держаться и не реагировать на нападки. Он понимал, о чём идёт речь, но не показывал этого, хотя внутри готов был взорваться.

— Знаете, это иносказательное выражение. Я же не учебник истории пишу, чтобы периодизацию составлять. Наверное, где-то на мои 27–30 лет пришлась моя бурная молодость. Да, был молод, мог сделать что угодно, но сейчас — нет.

В этот момент Вера ощутила на себе взгляд Эммы, которая явно испытывала не самые приятные чувства. Она смотрела то на журналистку, то на Фомина, пытаясь взглядом передать свои гневные послания.

В такой момент у Веры было плохо с математикой, но ей удалось собрать свои крохотные познания, вычестить из 31 два и получить 29.

— То есть два года назад ещё проходила ваша бурная мо-

лодость?

— Да что вы заладили со своими «два года назад»! Мы что, задачу решаем или вы следователь?! У меня допрос или интервью?!

Фомин был вне себя. Он нервничал, больше не мог спокойно сидеть на кресле, хотя во всех журналах об интерьерах его описывали как самое комфортное из всех возможных.

— В том и дело, что я не следователь, но, по моим наблюдениям, два года назад он плохо выполнил свою работу. Вам сейчас 31, тогда было 29. Как раз, по вашему описанию, время бурной молодости, когда вы «могли сделать что угодно». Этим «что угодно» стала авария во время вашего отпуска. Вы сбили девушку. Это так?

В этот момент Эмма вскочила со своего места, как грозная гиена, затаившаяся в углу.

— Так, стоп! Остановите съёмку. Мы так не договаривались, вы нарушаете договорённость.

Глаза Эммы пылали, она была готова разорвать Веру на части. Тогда, после аварии, Эмма чудом собрала репутацию Фомина по частям и сделала, как ей казалось, всё, чтобы об аварии никто не узнал, а позже выдала за слухи. До сегодняшнего дня у неё всё получалось. Этот разговор Фомина и Веры был важен ей, но не из-за переживаний об актёре, а из-за перспектив лишиться карьеры: кому будет нужен менеджер, который не сумел сохранить репутацию подопечного? Но в этом случае было уже поздно. Фомин и Вера смотрели

друг на друга, их взгляды словно приклеились.

— Да! Я сбил её, она выскочила неожиданно, а я не заметил и не смог отреагировать из-за скорости. Она осталась жива, ей вызвали скорую, и мы договорились, что я оплачу лечение и об этом никто не узнает.

— Захар, прекрати! Ты пьян и просто выдумываешь!

— Но её отец, то есть отчим, чёртов бизнесмен... Он хотел открыть автомастерскую и потребовал денег в обмен на молчание. Я заплатил, но спустя месяц он попросил ещё. Меня тогда только взяли в новый фильм — известная франшиза, мечта любого, — я не мог так рисковать. Но к тому моменту он успел намекнуть о случившемся какой-то мелкой газете, поползли слухи. Мне пришлось взять его на что-то вроде попечения и отстёгивать регулярно определённую сумму. Но я оплачивал и восстановление девушки, потом высылал деньги, пока она не устроилась на работу.

— Как вы жили столько лет с таким грузом? Девушка, насколько известно, полностью не восстановилась.

Эмма не могла остановиться и пыталась прекратить разговор. Она была готова броситься на Фомина и заклеить ему рот.

— Остановите съёмку! Зачем вы его слушаете, он не в себе, и вообще, мы заканчиваем интервью! Давайте мне все карты памяти!

Эмму никто не слушал, все замерли в ожидании того, что Фомин скажет дальше, и при этом стали свидетелями пол-

ной потери самообладания его менеджера. В какой-то момент Эмма просто опустилась на кресло и, держась за голову, смотрела на происходящее. Остановить съёмку было невозможно. Бариста и официанты давно включили прямую трансляцию на своих телефонах — история Фомина быстро открылась их трём с половиной подписчикам. Но, как известно, иногда и они срабатывают, достаточно одного хештега.

Вера смотрела на Фомина и чувствовала, как та маленькая девочка внутри неё разочаровывается. Нарисованный в её воображении образ актёра рушился, и она не понимала, что с этим теперь делать.

— Не знаю, так и жил. Я подумал, что принесу ей больше пользы, если буду обеспечивать, чем сяду. Поэтому мы всё сделали, чтобы этого не случилось. Вы журналист, не мне вам рассказывать схему подобных историй. Хотя это было ужасно трудно, особенно первые месяцы. Тогда я и начал много пить. Сначала — просто чтобы отвлечься. Мне казалось, что так новый день наступает быстрее, а потом появились новые проекты, я работал так много, чтобы ни на секунду не отвлекаться на мысли. И каждый месяц уже на автомате переводил деньги и ей, и её папаше.

— Вы же понимаете, что всё, что вы сказали сейчас, попадёт в Сеть, если ещё не попало. Что дальше?

Тут очнулась Эмма, у которой, как у бегуни на дистанции, открылась второе дыхание.

— Нет уж! Знаете ли, вам это расхлебывать! Мы вас за-

судим, вы не сдержали тайну, нашу договорённость!

— Засудите меня?! За то, что я сделала свою работу?! У вас, мне кажется, нет понимания, кто здесь виноват. Да, и, кстати, расхлебывать вам придётся совсем другое.

Вера смотрела в огромные окна отеля. Туда, как рой саранчи, слетались журналисты. Они шумели, делали сотни кадров в минуту и пытались прорваться в отель — охранники размером со шкаф стойко отбивали нападки. У Веры звонил телефон — это Кирилл пытался достучаться до подчинённой и выразить своё восхищение. Если это можно было назвать приличным словом «восхищение» со всем запасом его ненормативной лексики.

Фомин сидел в кресле и, казалось, впервые за долгое время не обращал внимания на журналистов. Нужно было что-то делать. Он не мог сидеть так вечно. Эмма быстро приняла решение вывести актёра через другой вход. Толпы репортёров уже столпились у служебного входа, но в отеле был ещё один — через кухню ресторана.

Вера пыталась осмыслить происходящее, пока отвечала на сообщения Кирилла, как в этот момент к ней подошёл Фомин.

— Хм, впервые не знаю, что будет дальше.

— Вы же сами сказали, что у вас есть связи, отработанная схема. Культура отмены — страшная вещь, но за решётку уж не попадёте.

— Вы очень оптимистична для человека, работающего в

журналистике. Тем более для женщины.

— Для женщины? Что вы имеете в виду?

— Не берите в голову, а то я сейчас наговорю ещё на одну статью. И уже не знаю, что будет страшнее: отвечать за тот случай или перед толпой феминисток.

— У вас своеобразные представления о женщинах.

— Возможно. Но в любом случае это не то, с чем я буду разбираться сейчас.

— Захар, оглянитесь вокруг. Видите, к чему привело это интервью? Вы вообще понимаете, что вы натворили тогда?

— Я давно осознал, но сейчас надо прийти в себя и поспать. Уже не помню, когда в последний раз оказывался в своей спальне. Хотя, знаете, больше всего меня бодрит вот это веселье.

Он посмотрел в сторону Эммы, которая психовала с телефоном в руке, пытаясь вызвать машину, но водитель не мог проехать из-за столпотворения журналистов и грузовиков, доставивших продукты в ресторан.

Эмма наконец успела хоть что-то решить за этот день и вновь взять себя в руки. Она смотрела на Веру испепеляющим взглядом. Той уже начало было казаться, что у неё горит плечо.

— Завтра вы дождётесь!

С этими словами Эмма увела Фомина, а репортёры за стеклом, увидев это, ринулись обходить отель. Главный вход наконец был свободен.

Вера собрала свои вещи, которые она так тщательно готовила последние два дня, но которые ей вообще не понадобились. Она еле стояла на ногах, хотя её телефон насчитал только 1,7 тысячи шагов за эти несколько часов. Социальные сети было невозможно открыть — все посты были посвящены Фомину и раскрытию «преступления века». Вера шла по дороге и думала, можно ли теперь по-прежнему считать носки, которые она искала всё утро, счастливыми или нет?

Оставшийся день прошёл как в тумане. Вера вернулась в редакцию, где её встретил Кирилл. Он улыбался так, как улыбался только в самых редких случаях. Они происходили так редко, что Вера могла посчитать их по пальцам одной руки. Он стоял у двери своего кабинета, держа в руках огромную розовую чашку — когда он подносил её ко рту, чтобы сделать очередной глоток, то почти всё его лицо скрывалось за посудиною, а снаружи сверкало написанное золотыми буквами слово lovely, — один из подарков редакции на его день рождения. Кирилл был из тех людей, кто редко хвалил, но был щедр на критику. Однако если уж происходило что-то действительно грандиозное, по его мнению, то в эмоциях он себя не сдерживал.

— Ну, ты, конечно, даёшь! Это было просто круто! Никогда бы не подумал, что именно ты сделаешь такое интервью и выведешь его на эту тему! Нас цитируют с самого утра, а юристам не перестают звонить менеджеры Фомина. Просто

огонь!

— Это не моя заслуга. Он влил вчера в себя литра два, если не больше. Поэтому его бы разговорил даже ёж.

— Да брось прибедняться и недооценивать себя, чтобы тебя ещё больше похвалили.

— Я и не требую похвалы. Ты видел, что устроила его менеджер? Она была готова убить меня!

— А он?

— Что он?

— Тоже готов был тебя убить? На видео он очень мило смотрел на тебя. Ты на него успокаивающе действуешь. Может, тебе психологом устроиться на полставки?

— Ага, мне бы со своей головой разобраться, только чужих проблем не хватало. Слушай, Кирилл, у меня ужасный осадок от интервью. Я вроде ничего не сделала, но состояние паршивое. Вдруг будут проблемы?

— Ну, ты больная, что ли? Какие проблемы?! Ты брала интервью, задавала вопросы, какие считаешь нужными. А то, что он выболтал то, что не должен был выболтать, это его проблемы, и нам до них дела нет. И вообще, ты перегрелась там, иди отдохни, выпей кофе. Завтра утром интервью должно быть на сайте. Новенькие в твоём распоряжении — могут сделать расшифровку. Разберись, короче.

Кирилл скрылся в своём кабинете. Он, очевидно, был доволен. Он всегда говорил: если их работа вызывает подобную реакцию, то значит они всё делают правильно. Не все

редакторы разделяли такую позицию, но, по большому счёту, Кириллу было всё равно.

Вера сделала работу на автомате. Оставшаяся часть интервью, по сути, была уже никому не нужна — самое главное уже увидело свет и почти буквально разорвало интернет по всему миру, породив хештеги #спаситефомина и #отменитефомина. Историю обсуждали на всех телеканалах и во всех аккаунтах. Если Фомин когда-то и мечтал о том, чтобы быть у всех на устах, то он этого добился.

Вера закончила всё к полуночи. Кирилл, на удивление, быстро одобрил окончательный вариант и даже разрешил ей завтра не торопиться, а прийти как сможет. Такое разрешение от него было редким, но Вера буквально не чувствовала мозга, поэтому решила воспользоваться предложением не бежать на работу, как лошадь, на следующий день.

Она вышла из офиса и вдруг подумала, что вообще-то это была её мечта, которая сбылась каким-то странным образом и, конечно, не так, как было задумано Верой. Сил у неё осталось только на то, чтобы дойти до дома, смыть весь стресс, поесть и наконец дотронуться до подушки, что Вера и сделала, в перерывах рассказав родителям и подружкам о произошедшем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.